
С. В. ИВАНОВ

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ СОБИРАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НАРОДНОГО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

Прошло более ста лет с тех пор, как внимание ученых было привлечено к художественному творчеству широких народных масс и началось собирание, а затем и изучение материала по народному изобразительному искусству.

Эта работа велась одновременно в странах Западной Европы, в России и в Америке. Еще в первой половине XIX в. появился ряд трудов, посвященных отдельным вопросам народного искусства, например ценное исследование австрийского ученого В. Куррера о приготовлении красок и о способах окрашивания тканей у древних и современных народов (1848—1850)¹. К этому же времени относятся первые опыты построения истории искусств с привлечением археологического и этнографического материала (Ф. Т. Куглер, 1842; Г. Клемм, 1843)².

За сто с лишним лет накопился огромный вещественный материал, вышло в свет множество ценных публикаций, выдвинут ряд гипотез и теорий, выявились различные аспекты методики изучения искусства.

Западноевропейские ученые изучали искусство народов Океании, Австралии, Индонезии, Африки, отчасти Центральной Америки, русские и советские ученые — искусство народов Восточной Европы, Кавказа, Средней Азии и Сибири, американские — главным образом искусство эскимосов и индейцев.

Кроме изданий, посвященных отдельным народам или их группам, вышел в свет и ряд обобщающих работ по искусству неевропейских народов³. В 1925 г. краткую сводку материалов по крестьянскому искусству стран Западной Европы дал К. Шпиц⁴. Большой интерес представляют работы, посвященные отдельным темам народного искусства. По некоторым из них появилась уже значительная литература, например, по маскам различных народов, южноафриканским наскальным изо-

¹ W. H. Kurrer, Die Druck- und Farben-Kunst in ihrem ganzen Umfang, (3 части), Wien, 1848—1850.

² F. Th. Kugler, Handbuch der Kunstgeschichte, 1842; G. Klemm, Allgemeine Kulturgeschichte der Menschheit, Leipzig, 1843.

³ K. Woermann, Geschichte der Kunst aller Zeiten und Völker, т. I, Leipzig—Wien, 1900; H. Kühn, Die Kunst der Primitiven, München, 1923; E. Vatter, Religiöse Plastik der Naturvölker, Frankfurt, 1926; F. Boas, Primitive Art, Oslo, 1927; E. V. Sidorow, Die Kunst der Naturvölker und Vorzeit, Berlin, 1923; J. T. Hooper, C. A. Burland, The Art of primitive peoples, London, 1953; С. В. Иванов, Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в., Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXII, М.—Л., 1954.

⁴ K. Spiesz, Bauernkunst, ihre Art und ihr Sinn, Wien, 1925.

бражениям, африканской и океанийской скульптуре, скульптуре индейцев Северо-Западной Америки, плетеным изделиям индейцев, коврам народов Ближнего Востока и Средней Азии, русским кружевам и игрушкам и т. д.

Постепенное накопление материала по искусству различных современных народов (а также по искусству древнейших эпох) позволило поставить проблему происхождения искусства⁵.

Освещению вопроса о происхождении и изучении орнамента на основе археологического и этнографического материала посвятили свои исследования Е. Вильсон, М. Хейдрих, автор этих строк и другие⁶.

Большое значение для ознакомления с произведениями народного искусства имели и имеют организуемые в различных странах выставки, отделы в музеях, а также специальные музеи (Музей примитивного искусства в Нью-Йорке, Музей прикладного искусства Виктории и Альберта в Лондоне, Музей народного искусства Румынской Народной Республики в Бухаресте, Государственный Эрмитаж и Государственный музей этнографии народов СССР в Ленинграде, Музей искусства народов Востока и Музей народного искусства в Москве и многие другие). Необходимо также отметить положительную роль, которую сыграл созданный Г. Кюном в 1925 г. в Германии международный журнал, посвященный археологическому и этнографическому искусству (JPEK)⁷.

О том интересе, который вызывает народное искусство, свидетельствует и Первый конгресс по народному искусству, созданный Международной комиссией культурного сотрудничества при Лиге наций. Конгресс состоялся в Праге в 1928 году⁸. Весьма полезными являются указатели литературы по искусству неевропейских народов, приложенные к некоторым этнографическим и искусствоведческим работам⁹.

Значительно оживилась издательская деятельность в различных странах после второй мировой войны. В Советском Союзе в эти годы опубликован ряд богато иллюстрированных монографий по народному искусству русских, украинцев, белорусов, народов Прибалтийских республик, некоторых народов Кавказа, узбеков, таджиков, каракалпаков, казахов, карел, народов Поволжья, а также по искусству некоторых зарубежных народов. Перечислить все эти работы в небольшой статье не представляется возможным. Интерес к изучению искусства наро-

⁵ E. Grosse, *Die Anfänge der Kunst*, Leipzig, 1894; Y. Hirn, *Origins of Art*, London, 1900; А. А. Миллер, *Первобытное искусство*, «История искусств всех времен и народов», кн. I, Л., 1929; А. С. Гушин, *Происхождение искусства*, Л.—М., 1937; А. П. Окладников, *К вопросу о происхождении искусства*, «Сов. этнография», 1952, № 2; его же, *Первобытные изобразительные искусства и архитектура*, БСЭ, т. 32, М., 1955; H. Sedlmäyr, *Ursprung und Anfänge der Kunst*, in: F. Valjavec, *Historia Mundi*, т. I, Bern, 1952; G. Weltfish, *The Origin of Art*, New York, 1953; С. Н. Замятнин, *Памятники изобразительного искусства эпохи палеолита и их значение для проблемы происхождения искусства*, «Очерки по палеолиту», М.—Л., 1961.

⁶ E. Wilson, *Das Ornament auf ethnologischer und prähistorischer Grundlage*, Erfurt, 1914; M. Heydrich, *Afrikanische Ornamentik*, «Internationales Archiv für Ethnographie», Leiden, т. 22 (Suppl.), 1914; С. В. Иванов, *Орнамент народов Сибири как исторический источник*, Труды Ин-та этнографии. Нов. серия, т. 81, М.—Л., 1963.

⁷ «JPEK» — *Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst*.

⁸ Congrès International des arts populaires. Résumés, Paris, 1928; В. Сичинський, *Перший Міжнародний конгрес народнього мистецтва в Празі, «Україна»*, 1929, січень — лютий.

⁹ M. Heydrich, *Указ. раб.*; E. V. Sidow, *Указ. раб.*; H. Kühn, *Указ. раб.*; R. Thurnwald, *Lehrbuch der Völkerkunde*, Stuttgart, 1939; L. Adam, H. Trimborn, *Lehrbuch der Völkerkunde*, Stuttgart, 1958; D. Debes, *Das Ornament. Wesen und Geschichte*, Leipzig, 1956.

дов Советского Союза проявляют сейчас и некоторые западноевропейские ученые ¹⁰.

В социалистических странах вышли в свет ценные труды по народному искусству венгров, болгар, румын, народов Югославии, Чехословакии и Польши. Все эти работы значительно расширили наше представление о народном искусстве и его богатстве и поставили перед исследователями ряд новых проблем, связанных с его дальнейшим изучением.

* * *

На VII Международном конгрессе будет работать симпозиум, посвященный двум вопросам изучения народного изобразительного искусства: методике собирания и обработки материалов по этому искусству и методике его изучения. Оба они тесно связаны между собой и определяются теми задачами, которые выдвигает в настоящее время наука перед исследователями народного искусства.

Эта методика складывалась постепенно, по мере накопления материала, в соответствии с теми или иными течениями и направлениями в истории, этнографии, археологии, истории искусств и в связи с разработкой отдельных проблем народного искусства.

Заметное влияние на выработку этой методики оказала в свое время античная археология и основоположник истории искусств немецкий археолог Винкельмана (1764) ¹¹.

Эволюционная теория также оказала влияние на ряд исследований в области народного искусства, в основу которых была положена идея эволюции. Широко использован был также метод сравнительного изучения художественных произведений (Лайни-Фокс, 1873, — начало эволюционного изучения орнамента; Х. Штольпе, 1891—1892; А. Хеддон, 1894; Г. Шурц, 1895, 1896; Г. Лауфер, 1902; Е. Хеддон, 1905; Р. Карутц, 1911 и другие; в России А. Миллер, 1911; в СССР Л. Штернберг, 1929; Г. Маслова, 1951 и другие) ¹².

В конце XIX — начале XX в. работы некоторых западноевропейских ученых, в том числе археологов, оказались под влиянием псевдонаучных арийских и индоевропейских теорий родства, фрейдизма, расизма, а также миграционистских и националистических концепций.

В 1923 г. в Германии вышла в свет работа Г. Кюна ¹³, в основе которой лежали положения К. Маркса и Ф. Энгельса о примате обществен-

¹⁰ T. Vahter, Ornamentik der On-Ugrier, «Société Finno-ougrienne, Travaux ethnographiques», IX, Helsinki, 1953; U. Johansen, Die Ornamentik der Jakuten, Hamburg, 1954.

¹¹ J. Winckelmann, Geschichte der Kunst des Altertums, 1764.

¹² Lane-Fox (Pitt Rivers), Address to the Department of Anthropology, «Report of the British Association», 42, London, 1873; H. Stolpe, Utvecklingsföreteelser Naturfolkens Ornamentik mit Referat och reflexouer of Ch. H. Read, «Ymer», 1891—1892; A. C. Haddon, The decorative art of British New Guinea, «Cunningham Memoirs, Royal Irish Academy», X, 1894; H. Schurtz, Das Augenornament und verwandte Probleme, «Abhandlungen der Philologisch-Historischen Klasse der Königlichen Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaft», т. XV, Leipzig, 1895; его же, Zur Ornamentik der Aino, «Internationales Archiv für Ethnographie», 6.IX, Leiden, 1896; B. Laufer, The decorative art of the Amur Tribes, «Memoirs of the American Museum of Natural History», т. VII, New York, 1902; E. B. Haddon, The dog-motive in Bornean Art, «The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», т. XXXV, I, London, 1905; R. Karutz, Unter Kirgisen und Turkmenen, Leipzig, 1911; L. Sternberg, The Aino Problem, «Anthropos», т. 24, Wien, 1929; А. Миллер, Лотос в украинском орнаменте, Труды XIV археологического съезда в Чернигове, М., 1911; Г. С. Маслова, Народный орнамент верхневолжских карел; Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XI, М., 1951.

¹³ H. Kühn, Указ. раб.

но-экономического бытия над формами общественного сознания. Но, оставив без внимания вопрос о классовой природе искусства и его социальной роли, Кюн оказался на позициях экономического материализма. Тем не менее его работа сыграла известную положительную роль, нанеся удар по идеалистическим концепциям, господствовавшим в то время на Западе.

Советские этнографы и историки искусства, а также прогрессивные зарубежные ученые изучают культуру как явление, развивающееся по определенным закономерностям, от ее низших форм к высшим. Искусство рассматривается, как одна из форм общественного сознания, как явление социально обусловленное, отражающее в особых, характерных для него формах окружающую человека действительность. Искусство изучается также как одно из проявлений эстетической деятельности человека, как особая (эстетическая) форма познания.

Кроме общего направления научной мысли в различных странах, на разработку методики собирания и исследования оказывали и продолжают оказывать свое влияние частные проблемы и новые задачи, выдвигаемые в процессе изучения народного искусства. Таких проблем и задач много, и они весьма разнообразны. Если бы изучение народного искусства ограничивалось рамками истории искусства и последнее рассматривалось только как результат художественной деятельности, то дело было бы несколько проще, так как искусствоведы давно уже разрабатывают и широко применяют методику исследования произведений искусства, отвечающую их задачам. Но круг лиц, интересующихся художественным творчеством и изучающих народное искусство, значительно шире. К ним относятся этнографы, археологи, историки религии, психологи и представители ряда других наук. Они подходят к произведениям искусства с иных позиций и точек зрения, ищут в нем ответы на вопросы, иногда далеко выходящие за пределы собственно истории искусств.

Поскольку симпозиум по методике собирания и изучения произведений народного изобразительного искусства будет работать в рамках Конгресса антропологических и этнографических, а не искусствоведческих наук, на нем следует ставить вопросы методики изучения этого искусства значительно шире, приближая их к проблемам этнографии и исторической науки в целом.

Что касается приемов собирания предметов искусства, анкетных данных и приемов первичной обработки собранного материала, то они в общем сходны с приемами собирания и обработки материала по другим этнографическим темам. Следует лишь напомнить о важном значении дополняющих вещевые коллекции зарисовок, фотоснимков и кинокадров, иллюстрирующих условия работы народных мастеров и мастериц, последовательность применения ими тех или иных орудий и инструментов труда, приемы и этапы создания художественных произведений.

Учитывая важное значение орнамента при разработке этногенетических и исторических проблем, необходимо собирать образцы всех известных мастерицам декоративных швов (лучше в подлинниках, чем в зарисовках; в последнем случае с указанием расположения стежков на изнанке), по возможности по районам, с нанесением на карту ареала распространения каждого шва. Столь же важно указывать распространение тех или иных орнаментальных мотивов и их разновидностей. Большой интерес представляют коллекции по орнаменту, собранные на периферии территории, занимаемой данным народом, в районах со смешанным населением.

Переходя к изучению народного искусства, следует сказать, что применяемые при этом приемы во многом зависят от той конкретной задачи, которую ставит перед собой исследователь, разрабатывая ту или иную проблему. В этом отношении весьма полезен обмен опытом между этнографами и археологами, работающими в области изучения произведений изобразительного искусства древних и современных народов.

* * *

В небольшой статье не представляется возможным осветить даже главнейшие приемы исследования памятников искусства, как нельзя перечислить и все те проблемы, которые встают перед учеными, обращающимися к изучению этих памятников.

Одной из проблем по-прежнему является проблема происхождения изобразительного искусства и, как часть ее, — проблема происхождения орнамента. Оставляя в стороне некоторые ранние литературные источники, в которых отдельные высказывания носили большей частью случайный характер, следует напомнить, что глубокий интерес к этой проблеме и первые относящиеся к ней обобщающие работы, основанные главным образом на этнографическом материале, появились лишь в конце XIX и на рубеже XX в. (Гроссе, 1894; Гирн, 1900)¹⁴. С тех пор время от времени археологи, этнографы и историки искусства возвращаются к этой теме¹⁵.

Хотя исторически древнейшие произведения изобразительной деятельности человека относятся к палеолиту, решение проблемы происхождения искусства не может ограничиться изобразительным материалом одной лишь этой эпохи, во-первых, потому, что в искусстве палеолита представлены не все, а лишь некоторые виды изобразительного искусства, во-вторых, — и это, пожалуй, самое существенное — потому, что причины этой деятельности в палеолите остаются для нас пока недостаточно выясненными. Поэтому уже в первых работах на указанную тему при попытках объяснения тех или иных сюжетов палеолитического искусства и даже особенностей трактовки образов животных и человека исследователи обращались к этнографическому материалу.

Несмотря, однако, на значительное количество работ, посвященных указанной проблеме, остается еще немало частных вопросов, требующих дальнейшей разработки. Одним из них является, например, вопрос о происхождении антропоморфной и заместительной скульптуры. Дальнейшего изучения требует вопрос о происхождении геометрического орнамента. Один из аспектов этого вопроса — гипотеза о техническом возникновении геометрического орнамента. Еще в 1856 г. англичанами О. Джонсоном и Р. Уорнумом¹⁶ была высказана мысль о происхождении геометрического орнамента из техники. Спустя двадцать лет (1878—1879) немецкий архитектор Г. Земпер широко развил эту мысль¹⁷, указав на важное значение техники плетения и тканья, а также материала и назначения предмета. Учениками и последователями

¹⁴ E. Grosse, Указ. раб.; Y. Hirn, Указ. раб.

¹⁵ См. Koch-Grünberg, *Anfänge der Kunst im Urwald*, Berlin, 1905; В. Никольский, *Происхождение искусства*, журн. «Народный учитель», 1926, № 12; Д. В. Айналов, *Первоначальные шаги европейского искусства*, «Сообщения Гос. академии материальной культуры», т. II, Л., 1929; А. Миллер, Указ. раб.; А. С. Гущин, Указ. раб.; K. Brandt, *Ur-Anfänge der Kunst*, Herford, 1947; S. Finkelstein, *How Art began*, «Masses and Mainstream», т. 7, 1954, № 6.

¹⁶ O. Jones, *Grammatik der Ornamente*, London, 1856; R. Wornum, *Analysis of Ornament. The characteristics of styles*, London, 1856.

¹⁷ G. Semper, *Der Stil in den technischen und tektonischen Künsten oder praktische Aesthetik*, München, 1878—1879.

Земпера были Конце и Шаафхаузен (1886)¹⁸. Они высказали мысль о том, что горшок и его орнамент возникли первоначально из обмазанной глиной корзины. Увлечение техникой, особенно у последователей Земпера, приписывание ей решающей роли в создании орнамента вызвали возражения со стороны искусствоведа А. Ригля (1893)¹⁹ и ряда этнографов того времени. Ригль указал на важное значение художественного творчества и природы, дающей материал для орнамента; этнографы отрицали роль техники, потому что видели в геометрическом орнаменте результат стилизации изображений животных. Э. Гроссе источником первобытной орнаментики считал и технику, и природу. Близок к этой точке зрения был и видный теоретик марксизма в России Г. В. Плеханов, подчеркнувший, что определяющим моментом являлась при этом трудовая деятельность первобытного человека (1899—1900)²⁰.

В 1904 г. немецкий юрист и этнограф М. Шмидт²¹ вновь заострил вопрос о происхождении геометрического орнамента из техники. Он обосновал свои выводы на том же материале индейцев бакайри, опираясь на который десятилетие назад К. Штейнен утверждал обратное, то есть, что геометрический орнамент этих индейцев ведет начало главным образом от изображений животных. Наконец, в 1953 г. ученик Ф. Боаса американский исследователь г. Уэльтфиш²² на материалах изобразительного искусства индейцев Аризоны пришел к выводам, высказанным ранее Г. Земпером и М. Шмидтом. Таково состояние этого вопроса в настоящее время. Можно считать установленным, что у ряда народов имеются отдельные виды орнамента, развившиеся из техники плетения или тканья. Но, разумеется, было бы большой натяжкой видеть в любом геометрическом орнаменте только техническую основу. В каждом отдельном случае необходимо тщательное изучение этого вопроса на конкретном материале и в конкретных исторических условиях.

Имеются и другие источники возникновения геометрического орнамента, остающиеся недостаточно изученными, например: а) изображения явлений природы, не имеющих ярко выраженного образа (облака, вода, гром); б) изображения частей тела животных или узоров на их теле; в) изображения опушек, кисточек, бус; г) воспроизведение в узоре простых и декоративных швов; д) своеобразная проекция предметов на плоскости, подобная, например, австралийской, когда дерево или человек изображаются концентрическими кругами, и т. д. Воспроизведение таких предметов или явлений обычно выражается в формах, близких к геометрическим узорам.

Выяснение причин, побуждающих человека на различных этапах его общественного развития прибегать к изобразительной деятельности,— одна из назревших задач. Оно должно также способствовать устранению той модернизации взглядов людей отдаленных от нас эпох, которая еще чувствуется в работах некоторых ученых, пишущих о народном искусстве.

¹⁸ H. Schaafhausen, Über die Entwicklung des Stoffes auf die Kunstform, «Correspondenzblatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte», XVII, 1886, 10.

¹⁹ A. Riegl, Stilfragen. Grundlegungen zu einer Geschichte der Ornamentik, Berlin, 1893.

²⁰ Г. В. Плеханов, Письма без адреса, Сб. «Искусство и литература», М., 1948.

²¹ M. Schmidt, Ableitung südamerikanischer Geflechtmuster aus der Technik des Flechtens, «Zeitschrift für Ethnologie», 1904.

²² G. Weltfish, Указ. раб.

Одним из интереснейших и увлекательных является вопрос об искусстве как историческом источнике. Для решения этой важной задачи привлекаются все виды изобразительной деятельности человека: графика и живопись, скульптура и декоративно-прикладное искусство, в частности — орнамент. Действительно, в ряде случаев памятники изобразительного искусства позволяют значительно расширить наши представления о некоторых уже исчезнувших формах культуры, предметах быта, о характере орудий труда, одежды, об антропологических типах древнего населения на той или иной территории, о культурно-исторических связях народов в прошлом и т. д. Ярким примером этого рода являются, например, открытые в 50-х годах текущего столетия в центре пустыни Сахары многочисленные фрески Тассили. Древнейшие из них датируются V—II тысячелетиями до н. э., остальные относятся к более поздним периодам. На фресках представлены десятки тысяч изображений людей и животных, предметы хозяйства, изображения колесниц, лодок, охотничьи эпизоды, танцы и другие сценки, ярко рисующие жизнь древнего негроидного населения Сахары в различные исторические эпохи²³.

Терракотовые статуэтки, найденные в Средней Азии, дают представление о смешанном составе доарабского местного населения²⁴.

Вопрос об использовании орнамента как исторического источника значительно сложнее, так как в этой области, кроме простого сравнения орнамента отдельных современных народов или сравнения позднейшего по времени материала с древним, приходится пользоваться и другими приемами анализа, позволяющими раскрыть пути сложения и трансформации орнамента.

Одним из первых западноевропейских исследователей, привлечших орнамент для выяснения связей между отдельными народами (гавайцами и новозеландцами), был Г. Н. Мосли²⁵. В 1893 г. о культурных связях по данным орнамента писал Г. Бальфур²⁶. Г. Шурц пытался установить на основе орнамента связи и миграции народов (переселение малайе-полинезийцев в Северную Америку)²⁷. Этими же вопросами занимался и ряд других авторов²⁸.

В России орнамент в качестве исторического источника впервые был широко использован при изучении русского и украинского искусства В. В. Стасовым (1872), Ф. К. Волковым (1878), С. А. Давыдовой (1880) и Н. Ф. Сумцовым (1891)²⁹. О важном значении этого источника

²³ A. Lhote, *A la découverte des fresques du Tassili*, Paris, 1958.

²⁴ C. Trever, *Terracottas from Afrasiab*, Moscow — Leningrad, 1934; А. М. Мандельштам. К вопросу о хронологической классификации древних терракот. *Согда. Труды Ин-та истории АН ТаджССР*, т. XXIX, Сталинабад, 1960; В. А. Мешкерис, *Терракоты Самаркандского музея*, Л., 1963.

²⁵ H. N. Mosley, *Notes by a naturalist on the «Challenger»*, London, 1879.

²⁶ H. Balfour, *The evolution of decorative Art*, London, 1893.

²⁷ H. Schurtz, *Указ. паб.*

²⁸ K. Preuss, *Künstlerische Darstellungen aus Kaiser-Wilhelm-land und ihre Bedeutung für die Ethnologie*, *«Zeitschrift für Ethnologie»*, Berlin, т. XXIX — 1897, т. XXX — 1898; его же, *Über einige Ornamente vom Kaiserin Augusta-Fluß*, *«Internationales Archiv für Ethnographie»*, т. XI, Leiden, 1898; его же, *Künstlerische Darstellungen aus dem deutsch-holländischen Grenzgebiet in Neu-Guinea, I*, *«Internationales Archiv für Ethnographie»*, т. XII, Leiden, 1899; I. Tikhonen, *Finnische Textilornamentik*, Leipzig, 1901; E. Gräbner, *Holztrommeln des Ramudistriktes auf Neu-Guinea* *«Globus»*, LXXXII, 1902; T. Vahter, *Указ. паб.*

²⁹ В. В. Стасов, *Русский народный орнамент*, т. 1, СПб., 1872; Ф. К. Волков. *Отличительные черты южнорусской народной орнаментики*, *Труды III археологического съезда*, т. II, Киев, 1878; С. А. Давыдова, *Кружевной промысел в Подольском и Серпуховском уездах Московской губ.*, СПб., 1880; Н. Ф. Сумцов, *Писанки, «Киевская старина»*, 1891.

писали и другие русские, а позже советские исследователи в начале века и в 1930-е гг.³⁰

Заметно усилилось это направление в последующие годы³¹. Большое внимание уделяют ему и некоторые советские археологи³².

Если вначале изучением орнамента как исторического источника занимались отдельные исследователи, то в настоящее время этой темой занимаются многие, и научное значение данного источника становится все более ощутимым. Однако некоторые ученые все еще недооценивают его, другие избегают им пользоваться. Вопрос, следовательно, требует дальнейшего обсуждения, в частности, применяемая при этом методика.

Особого внимания заслуживает также вопрос о значении народной терминологии орнамента и о возможности использования местных названий узоров для выяснения сюжетно-тематической стороны его. Еще в 1890 г. Алоис Хейн, — профессор Королевской академии в Вене, — изучавший даяков Калимантана (Борнео), пришел к выводу, что геометрический орнамент не представляет собой абстракцию³³. По его мнению, он является результатом отражения окружающих и интересующих человека предметов, что подтверждается названиями узоров. Широкий интерес привлекла к себе позже эта мысль в связи с работами К. Штейнена (1894, южноамериканские индейцы); по его наблюдениям, геометрический орнамент есть не что иное, как изображения животных, подвергшиеся стилизации, о чем свидетельствуют собранные им у индейцев названия отдельных узоров³⁴. Эти названия записываются затем другими исследователями у самоанцев, на Маршалловых островах, в Конго, у североамериканских индейцев, на Маркизских островах и в других местах³⁵. Но отношение к названиям меняется. Западноевропейские и американские этнографы начинают видеть в

³⁰ S. Patkanov, Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie, ч. I, St. — Petersburg, 1897; А. А. Боголюбов, Ковровые изделия Средней Азии, вып. 1, СПб., 1908; L. Sternberg, The Ainu problem, «Proceedings of the Third Pan Pacific Science Congress», Tokyo, 1926; его же, The Ainu problem; «Anthropos», т. 24, Wien, 1929; его же, К методологии орнамента. Орнамент из оленьего волоса и игол дикобраза, «Землеведение», 1, 1910; его же, Орнамент из оленьего волоса и игол дикобраза, «Сов. этнография», 1931, № 3—4.

³¹ В. Чепелев, Киргизское народное изобразительное творчество, «Искусство», 1934, № 4; А. Н. Бернштам, Киргизский повествовательный узор, в кн. «Киргизский национальный узор», Л. — Фрунзе, 1948; С. В. Иванов, Материалы орнамента к проблеме культурно-исторических связей хантов и манси. «Сов. этнография», 1952, № 3; его же, Культурно-исторические связи энцев и нганасан по данным их орнамента, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXXVII, М., 1962.

³² М. Е. Фосс, Значение орнаментики родового общества для вопросов этногенеза, глава VI в работе «Древнейшая история Севера Европейской части СССР», «Материалы и исследования по археологии СССР», № 29, М., 1952.

³³ A. Hein, Bildende Künste bei den Dajaks auf Borneo, Wiens, 1890.

³⁴ K. Steinen, Unter den Naturvölkern Zentralbrasiliens, Berlin, 1894.

³⁵ A. Krämer, Die Samoa-Inseln, т. II, Stuttgart, 1903; его же, Die Ornamentik der Kleidmatten und der Tatauierung auf den Marschallinseln nebst technologischen, philosophischen und ethnologischen Notizen, «Archiv für Anthropologie», т. II, Neue Folge, Braunschweig, 1904; E. Torday, T. A. Joyce, Notes ethnographiques sur les peuples communément appelés Bakuba etc. Les Bushongo, «Documents ethnographiques concernant les populations du Congo Belge», т. II, Bruxelles, 1910, № 1; G. T. Emmons, The Basketry of the Tlingit, «Memoirs of the American Museum of Natural History», т. III, 1903; C. Wissler, Decorative art of the Sioux Indians, «Bulletin of the American Museum of Natural History», т. XVIII, New York, 1907, № 4; A. L. Kroeber, The Arapaho, «Bulletin of the American Museum of Natural History», т. XVIII, New York, 1904, № 4; K. Steinen, Die Marquesaner und ihre Kunst, Berlin, 1925—1928.

названиях геометрических узоров результат позднейшего осмысления орнамента, а не источник, указывающий на его происхождение³⁶.

Русские ученые стали записывать названия узоров еще в 70—80 гг. XIX г., но отмечали, что многие из них не соответствуют самому изображению. Тем не менее некоторые этнографы и в более позднее время продолжали думать, что названия соответствуют сюжетам и указывают на происхождение узоров. Разделяют эту точку зрения и некоторые современные этнографы как в СССР, так и за его пределами³⁷.

Таким образом, и в настоящее время отношение ученых к названиям геометрических узоров как к историческому источнику различное. Для одних современные названия могут быть использованы для выяснения истории орнамента и тем самым явиться историческим источником, для других — не могут.

У некоторых народов орнаментальные мотивы носят длинные и сложные названия (карелы, жители Маркизских островов, киргизы и другие). Стивенс (1892—1899)³⁸, изучавший узоры на бамбуке у семаңгов, пришел к мысли, что они являются своего рода картинками, полными смысла. Таджикские названия описательного характера, например: «сад с деревьями и загоном, в котором — стадо баранов» (Андреев, 1927), «купание героя Кена» (Штейнен, 1928, Маркизские острова) или (у африканцев) «вежливый человек сопровождает другого» (Кандт, 1904), — также напоминают рассказы³⁹. Основываясь на подобных названиях, советский собиратель киргизского орнамента Рындин⁴⁰ выдвинул гипотезу, согласно которой орнаментальные композиции киргизов представляют собой связанные повествования, вполне читаемые, если знать названия входящих в композицию отдельных орнаментальных мотивов. Некоторые советские исследователи поддерживали эту гипотезу, другие отнеслись к ней критически и не приняли ее. Однако вопрос о соответствии или несоответствии названий узоров их форме (сюжету), о возможности сохранения в настоящее время в отдельных случаях весьма древних, исходных, первичных названий не снимается. Весьма интересна и другая сторона названий: они отражают представления народа об окружающем мире (природе), в них сохраняются указания на хозяйственную деятельность, бытовой уклад, предметы быта и т. д., в ряде случаев уже не существующие. Таким образом, вопрос о названиях продолжает интересовать исследователей и заслуживает дальнейшего обсуждения.

Стремление проследить истоки орнамента, выявить историю его развития поставило перед исследователями вопрос об отношении современного этнографического материала к древнему, к археологическим памятникам. Вопрос этот в ряде случаев наталкивается на значительные трудности, вызванные теми или иными лакунами, особенно в отношении средневековья, а также неясностью и недоучетом процессов развития и преобразования орнамента в предшествующие периоды, вследствие чего прослеживаемые связи оказываются иногда как бы оборванными, хотя в действительности они в ряде случаев могут быть вос-

³⁶ E. Wilson, Указ. раб.; F. Boas, Указ. раб.

³⁷ М. С. Андреев, Орнамент горных таджиков и киргизов Памира, Ташкент, 1928; И. Коев, Българската везбена орнаментика, София, 1951; N. Duñăge, *Arta populară din Valea Jiului*, «Academia republicii populare Romîne. Filiala Cluj. Studii de Etnographie», II, 1963.

³⁸ Stevens, *Zaubermuster der Orang-Panggang*, «Zeitschrift für Ethnologie», Berlin, т. XXIV—1892, т. XXV—1893, т. XXVI—1894, т. XXXIII—1901, т. XXXI—1899.

³⁹ М. С. Андреев, Указ. раб.; K. Steinen, Указ. раб.; R. Kandt, *Gewerbe in Ruanda*, «Zeitschrift für Ethnologie», т. XXXVI, Berlin, 1904.

⁴⁰ А. Н. Бернштам, Киргизский повествовательный узор, Ленинград — Фрунзе, 1948.

становлены и углублены. Методика исследований в этой области заслуживает самого пристального внимания, так как от ее характера и направления зависят дальнейшие успехи в создании истории развития изобразительного искусства отдельных народов.

Необходимость сближения археологического и этнографического материала стала остро чувствоваться главным образом в текущем столетии. К такого рода работам принадлежит, например, статья японского ученого К. Хамада, сравнившего современный айнский орнамент с неолитическим и попытавшегося установить их родство (1903)⁴¹. Из работ современных западноевропейских ученых можно указать на книгу У. Иохансен (1954, якуты и орнамент древнего Алтая), в Америке — Г. Уэльтфиша (1953, современное и древнеиндийское искусство). И. Коев прослеживает влияние византийского искусства на народное болгарское искусство (1951)⁴².

В Советском Союзе, где в течение ряда лет ведется работа по воссозданию истории населяющих его народов, в особенности тех, которым в дореволюционное время не уделялось внимания, опубликован целый ряд работ, раскрывающих связи современного народного изобразительного искусства с искусством древних народов⁴³.

Но, разумеется, не везде и не сразу удастся прочно связать археологический материал с этнографическим, и в этом плане предстоит еще много работы не только по линии анализа самих памятников, но и в области методики их исследования.

Применяемый иногда прием сравнения отдельных орнаментальных мотивов, особенно несложного строения, не всегда приводит к открытию культурных или генетических связей, так как подобные мотивы могут возникать и возникают у различных народов в различные исторические эпохи независимо друг от друга. Нужно иметь твердую уверенность в том, что сравниваемые мотивы родственны. Критика формально-сравнительного метода дана в одной из работ советского археолога Т. Пассек (1933)⁴⁴.

Более обещающим является прием сравнения сходных орнаментальных комплексов. В таких комплексах момент независимого их возникновения почти исключен, но сами комплексы исторически видоизменяются, и это необходимо учитывать.

Кроме самих орнаментальных мотивов, сопоставлению и сравнению подлежат технические приемы (швы, приемы резьбы по дереву или кости, приемы художественной обработки металла и т. д.), принципы композиции, включая формулы симметрии (так наз. «символы симметрии») ⁴⁵, стилевые особенности и ряд других моментов. Методика в этой

⁴¹ K. Hamada, Comparative studies of Stone Age and Ainu designs, «The Journal of the Anthropological Society of Tokyo», № 213, 1903 (на японском языке).

⁴² U. Johansen, Указ. раб.; G. Wellfish, Указ. раб.; И. Коев, Указ. раб.

⁴³ В. Чепелев, Об античной стадии в истории искусства народов СССР, М.—Л., 1941; С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР (1945—1948), Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, 1, М., 1952; Б. А. Рыбаков, Прикладное искусство и скульптура, «История культуры древней Руси», т. II, М.—Л., 1951; А. П. Окладников, Раскопки на Севере, Сб. «По следам древних культур», М., 1951; его же, Древние амурские петроглифы и современная орнаментика народов Приамурья, «Сов. этнография», 1959, № 2; В. Н. Чернецов, Орнамент ленточного типа у обских угров, «Сов. этнография», 1948, № 1; его же, Древняя история Нижнего Приобья, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 35, М.—Л., 1953; Т. А. Жданко, Изучение народного орнаментального искусства каракалпаков, «Сов. этнография», 1955, № 4; А. М. Мандельштам, Указ. раб.; В. А. Мешкерис, Указ. раб.

⁴⁴ Т. С. Пассек, К вопросу о приеме сравнения в истории материальной культуры, «Изв. Гос. академии истории материальной культуры», вып. 100, М., 1933.

⁴⁵ А. В. Шубников, Симметрия, М.—Л., 1940.

области исследований продолжает совершенствоваться, но и на данном этапе она уже позволяет сделать ряд важных в историческом отношении выводов.

Затронутые в настоящей статье вопросы касаются лишь некоторых сторон собирания и изучения народного изобразительного искусства. Надо надеяться, что на предстоящем симпозиуме будут выдвинуты и обсуждены и другие вопросы, представляющие интерес с методической точки зрения.

SUMMARY

The collection and study of material having to do with folk arts started more than 100 years ago. By now a wealth of material has been accumulated, valuable publications have appeared, a number of hypotheses and theories have been suggested, different aspects and methods of the study of material have been found.

The accumulation of material pertaining to the art of different epochs and peoples has allowed us to raise the problem of the origin of art.

Soviet ethnographers and historians, as well as progressive foreign scholars, study culture as a phenomenon developing according to definite laws, from its lower to higher forms. Art is regarded as one of the forms of social consciousness, as a socially conditioned phenomenon reflecting realities in its own special forms. Art is studied also as one of the forms of aesthetic activities of man, as a special form of cognition.

The methods of collecting articles of art and the methods of initial treatment of material are, on the whole, similar to the methods of collecting and treating of material relating to other ethnographic categories. Methods used in such cases depend to a great degree on the tasks set by the researcher.

One of the most important problems confronting the student of folk art is the problem of the origin of arts and, as part of it, the problem of the origin of ornament. Many specific questions also require further investigation. An important task is finding out the causes impelling man at different stage of his social development to resort to creative arts.

Of much interest is also the question of art as a historical source. To explore it, all kinds of art are used: drawing and painting, sculpture, decorative and applied arts, including ornament. The meanings of folk terms denoting different ornaments and the possibility of using the local names of patterns to discover their subject deserve special attention. The desire to retrace the sources of ornament and the history of its development has confronted the researcher with the problem of finding out the relationship between the present-day ethnographic material and ancient material, archaeological monuments. It is not always possible to relate archaeological material with ethnographical. Only similar motifs can be compared. Very useful is also the method of comparison of similar ornamental complexes.